

С. Н. ВАЛК

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО

Последний период русской дореволюционной буржуазной историографии изучен еще только в самых общих чертах. Несомненно, что исследование его представляет гораздо больше трудностей, чем работа над историографическими направлениями более ранних времен. Эпоха русского империализма ознаменовалась сильнейшим обострением классовых противоречий, что повело к резкой дифференциации политических направлений; идеологическая борьба при таких условиях приобрела чрезвычайно резкие формы. Все это не могло не сказаться и в области историографической. Это отразилось и на деятельности Н. П. Павлова-Сильванского, исторические труды которого представляют крупное явление в буржуазной историографии того времени.

Отметим прежде всего некоторые биографические моменты, не лишенные значения для изучения научно-литературной деятельности Н. П. Павлова-Сильванского. Оставленный при Петербургском университете для подготовки, как это тогда называлось, к профессорскому званию, он потерпел неудачу на первом же своем магистрантском экзамене. По необычайной иронии судьбы предметом экзамена послужил впоследствии прославивший Павлова-Сильванского вопрос о феодализме, а погубившим его экзаменатором явился отнюдь не специалист в области истории средневековья Н. И. Кареев. Эта несчастная случайность надолго оторвала Павлова-Сильванского от обычного для тех времен пути университетского ученого и обрекла его вначале на простую службу чиновника Министерства иностранных дел, которому лишь впоследствии удалось перейти в том же министерстве на работу в Государственный архив.

Мучительные затруднения испытал Павлов-Сильванский также вследствие самого выбора вопроса о феодализме в России в качестве предмета своих занятий. Еще на студенческой скамье (университет был им окончен в 1892 г.) Павлов-Сильванский увлекся популярными тогда социологическими трудами Бокля, Спенсера и др. и в связи с этим особенно вопросом о применении сравнительно-исторического метода в исторических исследованиях. Тут и

предстала перед ним проблема странного со сравнительно-исторической точки зрения будто бы отсутствия в древней Руси феодализма. Как писал после выхода основных работ уже умершего к тому времени Павлова-Сильванского его бывший строгий экзаменатор, а теперь уже благожелательный критик Н. И. Кареев, в те времена, когда Павлов-Сильванский приступал к своим исследованиям, говорить о феодализме в России в кругу университетских историков «сделалось своего рода признаком дурного вкуса в исторической науке, а пожалуй, и дурного тона, признаком исторической невоспитанности».¹ Павлов-Сильванский впоследствии вспоминал, что он «пережил много тяжелых дней в начале работы». Так, например, один из его сослуживцев, узнав о его занятиях русским феодализмом, издал «какой-то неопределенный звук, как в гоголевском „Ревизоре“ Христиан Иванович», и это, по словам Павлова-Сильванского, был хотя «утрированный, но типичный» пример отношения тогдашнего ученого и полуученого мира к его работам. Ближайший учитель Павлова-Сильванского, С. Ф. Платонов, говорил ему, когда последний писал еще первую свою работу на феодальную тему — статью о закладничестве, «и будут же вас ругать»; этими словами он желал, как истолковывал их Павлов-Сильванский, «отклонить меня от ненадежного пути». Неудивительно, что у Павлова-Сильванского одно время после окончания университета «был период полного скепсиса в своих силах».²

Революция 1905 г., вызвав к жизни ряд новых высших учебных заведений, открыла перед оторванным до тех пор от живой преподавательской работы Павловым-Сильванским дорогу к ней, и он с увлечением принялся за новое для него дело. Первым учебным заведением, где начал свою деятельность Павлов-Сильванский, было самое тогда демократическое — так называемая Высшая вольная школа П. Ф. Лесгафта. Потом последовали курсы для народных учителей, Коммерческие курсы и Высшие женские курсы, где Павлов-Сильванский, читая историю русского права (всего один год, с 1907 г.), мог бы со временем полнее и глубже раскрыть свои научные взгляды. Ко всем читаемым лекциям Павлов-Сильванский готовился в высшей степени тщательно. В его архиве сохранились не только конспекты всех прочитанных лекций, но даже иногда и их тексты.

Настоящая заметка имеет задачей обратить внимание исследователей русской историографии эпохи империализма на этот существеннейший материал для изучения взглядов Павлова-Сильван-

¹ Н. И. Кареев. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России. СПб., 1910, стр. 4.

² Все цитаты приведены из писем Павлова-Сильванского к А. Е. Преснякову, хранящихся в архиве ЛОИИ.

ского, тем более, что ранняя смерть не дала ему возможности многое изложить в виде всем доступных для изучения печатных работ.³

Первою из всех прочитанных лекций Павлова-Сильванского была его вступительная лекция, прочитанная в Высшей вольной школе 21 февраля 1906 г. На обложке рукописи она озаглавлена «История и современность». Сама тема этой лекции была необычна для тогдашнего профессорского лекционного курса и один выбор ее показывает, что Павлов-Сильванский был поражен размахом происходивших в стране революционных событий.

Некоторое представление о политических настроениях Павлова-Сильванского в то время может дать сопоставление двух его статей. Первая была написана, по-видимому, после издания указа 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», но еще до событий 9 января. Вот что Павлов-Сильванский писал об этих, как он тогда выразился, «возвещенных державною волею государя императора важных исторических преобразованиях»: «История наша дает уверенность, что сильное русское государство ныне так же, как в прежние бедственные годы, выйдет обновленным из внешних и внутренних потрясений, вступив на путь тех великих реформ, которые всегда обеспечивали успех его в делах внешних и служили важным залогом его неуклонного внутреннего развития».⁴

Вторая статья озаглавлена: «Исторический разум нашего времени». Она написана 12 февраля 1906 г. На этой статье отразились, как писал сам автор, «зловещий сухой треск выстрелов», сопровождавший «ужасы 9 января» и последовавшие затем «страшные известия из многих городов», где лилась «кровь всюду на мирных улицах». «Теперь, когда всем стало ясно, что в переживаемые нами дни совершаются великие события», писал Павлов-Сильванский, историкам должен быть задан вопрос, «что делали мы, изучая и печатая старые акты, издавая источники, которых никто не читал, кроме нас, работая в археологических обществах, которые никто, кроме нас, не посещал, и в небольших аудиториях историко-филологического факультета, в которых студенты считаются двумя, тремя, четырьмя десятками».⁵

Статья эта не закончена, но своего рода ответ на этот вопрос дает излагаемая далее вступительная лекция Павлова-Сильванского, отделенная всего девятью днями от даты написания последней статьи. Начав эту лекцию указанием, что «наука истории

³ Архив Павлова-Сильванского находится частью в архиве ЛОИИ (ф. 190), частью в ЦГИАЛ (ф. 1014); излагаемая далее лекция хранится в архиве ЛОИИ.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1014, д. 65, статья «Смутные времена в начале столетий. 1605—1705—1805».

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1014, д. 55.

пользуется в последние два года особенным общественным вниманием», он объяснял это тем, что «интерес к истории усилился под влиянием грандиозных исторических событий нашего времени». «Грандиозные» события — это, конечно, события только что минувшего первого года первой русской революции. «Для всякого ясно, — продолжает Павлов-Сильванский, — что мы переживаем одну из величайших эпох нашей истории и, может быть, вступаем в преддверие одной из величайших эпох истории всемирной». Ему кажется, что русская революция уже перерастает рамки одной только национальной революции. Он отмечает в своей лекции «первые начатки того влияния, какое наша революция оказывает на другие народы». Доказательством этого воздействия служат Павлову-Сильванскому события в Германии и во Франции. «Если германский праздник 9 января не удался, — пишет он, — то это не значит еще, что влияние русской революции Вильгельму удалось остановить. Это только начало». Что же касается Франции, то «там ждут грандиозной всеобщей политической забастовки 1 мая». Эти наблюдения как бы подтверждали общее положение Павлова-Сильванского, что «в Европе чувствуется страшная напряженность». Но если даже произойдет так, что «наша великая революция и не будет началом всеобщей социальной революции, как ждут социалисты, и наши, и западные», и тогда «во всяком случае наши дни, дни Русской Великой Революции, не пройдут бесследно в истории и жизни западных народов и составят одно из великих событий всемирной истории».

Итак, для Павлова-Сильванского Россия в 1905 г. переживает «великую» революцию, являющуюся, возможно, преддверием революции всемирной, попытки остановить которую могут принести лишь временный успех даже такому могущественному оплоту реакции, каким была в те времена вильгельмовская Германия; ожидания «социалистов» могут оправдаться, и эта всемирная революция может оказаться «всеобщей социальной революцией».

Перейдем теперь, вслед за Павловым-Сильванским, от «современности» к «истории»: «Время, в которое мы живем, — писал он, — придает для нас новое освещение прошлому». На это прошлое Павлов-Сильванский готов посмотреть и с точки зрения идущей со времен Фукидида прагматической истории, и с точки зрения «истории нового типа, возникшей в недавние годы, истории социологической». Теперь «даже элементарная история, так называемая история прагматическая, история событий и деяний», приобретает для него «особый интерес». «Теперь, — пишет Павлов-Сильванский, — мы понимаем иначе, чем прежде, рассказы об отдаленных эпохах кровавых переворотов, мы понимаем психологию людей этих эпох; то, в чем мы прежде видели рассказ, почти сказку, там мы теперь ясно ощущаем яркую картину жизни». Од-

нако в «большей степени» он занят «социологической» историей с ее сравнительным историческим методом.⁶ Павлов-Сильванский «социологически» проводит ряд параллелей между событиями русской и французской революций и находит «сходство явлений обеих революций».

В давних и недавних явлениях русской истории Павлова-Сильванского занимают «прежде всего» те ее явления, которые «ближайшим образом связаны с событиями наших дней», явления «великого освободительного движения», которое и привело Россию к ее «великой революции». Начало освободительного движения он видит в деятельности А. Н. Радищева, «первого русского революционера», в «арханческой речи» которого «слышна та же смелость, то же дерзновение, которые составляют силу нашей революции». Павлов-Сильванский продолжает далее: «Радищев, декабристы, шестидесятые годы, народовольцы, марксисты и социал-демократы, народники с их преемниками социалистами-революционерами — таковы главные этапы нашего великого освободительного движения, беспримерного в истории по числу жертв, по силе героического самопожертвования». Это «освободительное движение» коренится для него во всем прошлом историческом России. Оно «дает новое освещение, новый интерес и новое значение всей нашей древней истории». Павлов-Сильванский полемизирует со всеми теми, кто видел «патриархальность» в явлениях древней истории. Опровергая этот «миф» и эту «официальную ложь», он утверждает, что «наша борьба с государственной властью ведет свое начало из древности» и что в этой древности мы «постоянно» видим осуществления «права восстания». «Вся наша древность — писал Павлов-Сильванский, — залита кровью мятежных народных движений». В так называемое «Смутное время» идет «непрекращающаяся упорная борьба» между «различными классами общества и между обществом и государством». Как «хроническая болезнь», она «таится внутри, но время от времени прорывается наружу резкими припадками», которые «сменяются перемирием и перемирие вновь нарушается столкновением». Павлов-Сильванский перечисляет ряд «мятежных народных» движений после Смуты — и казацкие движения, и движения Степана Разина и Емельяна Пугачева, и крестьянские движения при Павле I.

«Патриархальностью особого рода» иронически называет Павлов-Сильванский новгородский обычай говорить князю, что он «не люб» Новгороду, после чего «князь, беспрекословно подчиняясь

⁶ В лекциях, читанных Павловым-Сильванским летом 1908 г. на курсах народных учителей, он предупреждал своих слушателей: «Моя задача — не русская история в точном смысле этого слова, не обзор событий истории русской древности, а социологическая схема социального и государственного развития — это особая область изучения».

воле державного народного собрания, уходил в новое княжество». Он приводит в пример и царя Василия Шуйского, который был низвергнут «подобным же решением народного собрания в Москве». Особое внимание Павлова-Сильванского привлекают московские июньские события 1648 г., именно потому, что они «несомненно были революцией». Они были «насилованным переворотом», в ходе которого «народ в три дня низверг правительство боярина Морозова с его приспешниками»; эти три дня «Москва была во власти народа, грабившего дома своих угнетателей». Хотя это «народное революционное движение» в Москве и было утихомирено «поспешными уступками царя», но «московская революция» перекинулась также в другие города, и царь «поспешил сделать дальнейшие уступки». Движение Степана Разина Павлов-Сильванский ставил в прямую связь с итогами московской революции. Правительство с целью успокоить народное движение провозгласило основой составляемого Уложения «равенство суда и расправы в широком смысле, справедливого устройства всех классов, от большого до малого чину», но на самом деле Уложение удовлетворяло только требованиям «средних классов» — дворянства и «городской буржуазии». И опять вспыхивает новое народное движение. Оно выразилось через 21 год в «сильном народном мятеже» — в движении Степана Разина. Правительству теперь удалось подавить этот «мятеж», уже опираясь на «средние классы», которым он в равной мере угрожал.

Для наглядной иллюстрации своей характеристики явлений древнерусской истории Павлов-Сильванский приводит относящуюся к 1648 г. «одну из ярких типичных картин» ее, которую мы вслед за ним здесь воспроизведем: «На Красной площади бушующее народное собрание»; «мир» уже покончил с Леонтием Плещеевым; царь «выпрашивает жизнь влиятельным членам своего правительства, клянется перед образом, что не допустит их ни до каких должностей, их и их родственников, уступает народу и выдает на казнь их одного за другим, и разгневанной неумолимый народ, уступая мольбам царя, оставляет жизнь только его воспитателю Морозову». Павлов-Сильванский соответственно истолковывает и идеологическую сторону происшедшего события как проявление того «права на восстание», о котором уже шла речь выше. По его словам, «летописец не видит в мятеже преступления. О мятежных действиях народа он говорит, как о правомочных действиях всей земли — народного собрания». «Непрекращающаяся борьба классов» и ряд «мятежных движений», народное сознание своего права на мятеж — таков некоторый итог этого второго ряда рассуждений Павлова-Сильванского.

Особое внимание Павлова-Сильванского привлекают судьбы абсолютизма в России. Он доказывает в своей лекции, что, вопреки

утверждениям реакционеров, абсолютизм в России явление позднее. Главным теоретиком и практиком неограниченного самодержавия явился в XVI в. Иван Грозный, «несомненно страдавший помешательством, хотя форма этого помешательства невыяснена вполне историками». Но теория Грозного об «извечности» самодержавия была только «книжной» теорией и рухнула уже через 14 лет после ее провозглашения вместе со смертью «ее творца». Вновь теория самодержавия была развита при Петре Великом, но и здесь она, по истолкованию Павлова-Сильванского, имела такой же «книжный» характер с той лишь разницей, что у Грозного она была заимствованной византийской теорией, а Петр ее извлек из книг западноевропейских.

Павлов-Сильванский противопоставляет этой создаваемой правительством «книжной» теории то, что он называет народным понятием о власти. Недаром, писал он, народ назвал Петра «за проявление его самовластия» «шведом». «Московский человек XVII в. — по изображению Павлова-Сильванского — очень бы удивился, если бы ему сказали, что существо царской власти заключено в ее неограниченности, в полном самовластии». Решающим тогда в общественной и государственной жизни, по Павлову-Сильванскому, было обычное народное право: «Царь, как и всякий человек, должен был блюсти старые обычаи, должен был действовать при посредстве установленных властей, считаясь с миром, с мирскою правдою»; «блюстителем этой правды был мир, народ, земля», и «когда царь не подчинялся ей (мирской правде, — С. В.), когда самовластно ломал старые уставы, народное сознание допускало неподчинение царской власти». Это и сказалось при Петре, когда «раскольники объявили его антихристом». Павлов-Сильванский считает, что «на практике» власть московских государей «приближалась к власти конституционной». «Обычная конституция» ограничивала царскую власть такими учреждениями, как освященный собор, боярская дума и, наконец, земский собор, который выступал «во все важные моменты государственной жизни».

Основное положение Павлова-Сильванского гласит, что «абсолютизм у нас — явление новое» и что Петр сумел его установить, «только опираясь на дисциплинированное войско». Как полагает Павлов-Сильванский, абсолютизм держался в России «прочно» только до тех пор, пока он мог опираться на дисциплинированную военную силу и на крепостное право, которое именно в XVIII в. «чрезвычайно усилилось в сравнении с московским временем». Абсолютизм в России и просуществовал недолго. Падение крепостного права подорвало опоры абсолютизма. Теперь же, в 1905—1906 гг., «террористические акты правительства», начиная с расстрела 9 января, нанесли «смертельный удар» воззрению на царскую власть, как на милостивую власть, которое еще жило «в на-

родном сознании». «Последствия этого исторического дня, смертельные раны самодержавию, еще не вполне проявились. Они обнаружатся в близком будущем».

Такова политическая история России в изображении Павлова-Сильванского. Она обрывается в лекции этою характеристикой. Павлов-Сильванский затем переходит к изложению «новой теории русской истории», теории «социологической». К сожалению, конец лекции не сохранился, но предметом его, по-видимому, были те идеи, которые хорошо нам знакомы по изложению их в тогда же подготовленном к печати введении к «Феодализму в древней Руси» (СПб., 1907).

Павлов-Сильванский сформировался как историк в годы, когда влиятельным направлением русской буржуазной общественной мысли был «легальный марксизм». Характеризуя все в той же вступительной лекции смену господствующих течений общественно-политической мысли во второй половине 60-х годов, Павлов-Сильванский писал, что в 60-х годах «предпочтительным влиянием пользовались науки естественные, которые тогда получили политическое значение в связи с борьбой против старого полицейского мирозерцания». На смену этому влиянию естественных наук «в последние два десятилетия» (т. е. приблизительно в 1885—1905 гг.), как считал Павлов-Сильванский, пришла «политическая экономия и главным образом марксизм в силу его политического значения»; они пользовались таким же «предпочтительным влиянием». Что же касается современности, то для Павлова-Сильванского на смену интересу к политической экономии «теперь выдвинулось государственное право, в котором все ищут уроков для разрешения очердных вопросов государственного устройства».

Набрасывая в 1894 г. предполагаемые планы своих будущих работ, Павлов-Сильванский намечал среди них и такую тему, как «идеи исторического материализма у русских историков». Характеризуя в том же курсе, вступительная лекция к которому составляет предмет настоящих заметок, отмену крепостного права, Павлов-Сильванский писал, что положение наших крестьян накануне реформы дает подтверждение «одной из следующих классических страниц „Капитала“ Маркса о прибавочном труде», и далее приводил обстоятельную цитату из «Капитала». Однако даже «легальный марксизм» был усвоен Павловым-Сильванским в самой объективистской из всех своих форм. Особенно отчетливо это сказалось в одной из незаконченных статей Павлова-Сильванского того же приблизительно времени, что и его вступительная лекция, озаглавленной «Классовые противоречия». Касаясь в ней крестьянской реформы 1861 г., Павлов-Сильванский считал, что только теперь, 45 лет спустя после освобождения крестьян, начинают «выясняться внутренние основные причины, материальные условия

этой великой реформы, которая, казалось, двигалась единственно идеей свободы, идеей уничтожения гнусного рабства». Переходя от того, что было 49 лет тому назад, к тому, что происходит в стране теперь, в современной Павлову-Сильванскому обстановке классовой борьбы, он не считает возможным приложить к ней даже тот скромный анализ, который, по его же мнению, помог разъяснению причин реформы 1861 г. Но Павлову-Сильванскому, только «будущий историк откроет эти материальные условия противоречий классовых интересов и в той борьбе, которая теперь кипит на наших глазах». Однако Павлов-Сильванский все же решается сказать, что и теперь «можно уже наметить некоторую основу классовых противоречий, некоторые материальные интересы, силу и слабость различных классов».

Предшествующие страницы нашего изложения позволяют обнаружить, что у Павлова-Сильванского не только в вопросе о классовых противоречиях, но и в других вопросах можно найти аналогичные уклонения, недомолвки, колебания и просто противоречия. К примеру, Павлов-Сильванский признает возможность перехода русской революции в мировую социальную революцию, но говорит об этом как о мнении не своем, а «наших и западных социалистов». Он находит непрерывные мятежные движения в древней Руси, но особенно отмечает в них не социальную борьбу, а борьбу с государственной властью. Утверждая необходимость в Московской Руси соответствия между «мирской правдою», коренящейся в «народном сознании», и организацией власти, он вместе с тем считает, что «обычная конституция» власти в то время приближалась к типу «власти конституционной». Когда дело коснулось уже не только «истории», но и «современности», то эта «современность» характеризовалась, как мы видели, тем, что господствовавший интерес к политической экономии и марксизму в глазах Павлова-Сильванского как раз в разгар революции сменился интересом к «государственному праву». Этот постоянный интерес к вопросам государственного строя и конституционности, равно как и другие исторические интересы Павлова-Сильванского, находят свое объяснение в его политических взглядах и в его принадлежности к конституционно-демократической (кадетской) партии. Павлов-Сильванский был кадетом, даже активно участвовавшим в деятельности этой партии, но все же кадетом несколько особым. Павлов-Сильванский был одним из первых историков, занявшихся Радищевым и декабристами. Радищев, как уже упоминалось выше, занимал Павлова-Сильванского как «первый русский революционер». А среди декабристов его излюбленным героем был не Никита Муравьев и не Рылеев, и вообще не кто-либо из деятелей более умеренного

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1014, оп. 1, д. 61.

Северного общества, но Пестель и руководимое им Южное общество (работа о котором Павлова-Сильванского, к сожалению, по-видимому, безвозвратно утеряна).

Все вышенаписанное представляет только некоторый беглый материал для характеристики исторических и общественно-политических взглядов Павлова-Сильванского, которые надлежаще могут быть изложены только при внимательном изучении всего изданного и неизданного его литературного наследия. Это изучение тем существеннее, что Павлов-Сильванский был отнюдь не одинок в своих взглядах, как это иногда полагают. Его близким другом еще с университетской скамьи и единомышленником был такой выдающийся историк, как А. Е. Пресняков, и притом другом настолько близким, что, как сам А. Е. Пресняков говаривал, иногда трудно было им установить, кому из них первому пришла в голову та или иная мысль. Подобно Павлову-Сильванскому, А. Е. Преснякова столь же рано привлекли проблемы социологии; как и Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков прибегал к обильным сравнительно-историческим аналогиям в своей в те годы написанной диссертации о «Княжом праве в древней Руси» (1909), на что указывает, впрочем, уже само ее заглавие. Наконец, А. Е. Пресняков также не чуждался в годы первой революции политики и принадлежал к той же кадетской партии, что и Павлов-Сильванский. Хорошо известен тот глубоко искренний выбор своего нового пути, который был сделан А. Е. Пресняковым после Великой Октябрьской социалистической революции. Не пошел ли бы и Павлов-Сильванский по тому же пути, по которому пошел столь близкий ему А. Е. Пресняков? Это вопрос, который, конечно, неразрешим и который поэтому, может быть, даже не полагалось бы ставить. Но есть и иной вопрос. Он связан с некоторыми ходячими характеристиками Павлова-Сильванского. Одна из них нашла свое отражение во втором издании БСЭ. Здесь мы читаем, что, «пытаясь обосновать стремление русской империалистической буржуазии к упрочению своего положения среди буржуазии других стран, Павлов-Сильванский доказывал тезис о полной тождественности русского и западноевропейского исторического процесса».⁸ Не надо ли внести большую точность в такое схематическое и упрощенное истолкование взглядов Павлова-Сильванского и в определение его места в русской буржуазной историографии эпохи империализма?

⁸ БСЭ, изд. 2-е, т. 31, стлб. 523.